

Именно это последнее сочинение и содержит сведения, на основании которых можно судить об образовании Климента и о причинах, по которым ему было присвоено прозвание «философа».

В начале своего послания Климент пишет следующее: «Почет писание, твоея любве, яже аще и медмено бысть, почюдихся. И в чин вспомяновения, приник зело, дивихся благоразумию твоему, возлюбленный ми о господе брате Фома. Имать писание твое наказание с любовью к нашему тщеславию, и таку с радостию прочет пред многими послухи и пред князем Изяславом, тобою преславное ко мне писание. И вину ми исповедавшу, его же ради пишеша, ты ж, любимице, не тяжко мни, мною воспсаную ти, хартию. Речеши ми, славишия пиша, философ ся творя, а первые сам ся обличаеши: егда к тебе что писах, но ни писах, ни писати имам, а речеши ми философею пишеша, а то велми криво пишеша, а да оставль аз почитаемаа писаниа. Аз писах от Омира и от Аристоля и от Платона, иже во Елиньских нырех славне беша, аще и писах но не к тебе но ко князю, и к тому ж нескоро. А еже сожалил еси, оже ты есмь вменил, а бог сведетель, яко не искушаа твоего благоразумна, но яко просто писах, да аще того не моги еси разумети. То всуе приводиши на мя, учителей своего Григоря. Речеши бо, у Григоря беседовал есмь, о спасении душевнемь, а еда коли порекох, ли укорих Григоря, но еще исповедаю, яко не токмо праведен, но и преподобень, но аще дерзо рещи свят есть, но обаче того аще не учил тя, то, не веде, откуда хощеша поручившаяся тебе душа руководити, Григорю бо».

Из приведенного отрывка следует, что Климент «творил себя философом», т. е. считал и называл себя таковым, для чего одни из его современников не видели достаточных оснований и упрекали его в заносчивости, а другие именно так его называли — в Ипатьевской летописи сказано о Клименте, что он был «книжник и философ так, якоже в Руской земли не бяшетъ».⁶

Уже первый издатель сочинения Климента, Н. К. Никольский обратил внимание на то, что заключающиеся в этом отрывке сведения о прославленных писателях и мыслителях древней Греции незначительны, а потому вряд ли митрополит именно за эти сведения мог удостоиться прозвания философа; тут же Никольский высказал предположение о том, что Климент, возможно, «был знаком с подлинным или переводным текстом некоторых из сочинений греческих философов и поэтов», т. е. в какой-то мере был знаком с византийской образованностью. Мысль Никольского развил Е. Е. Голубинский в исследовании, посвященном следующему отрывку в «Послании» Климента.

«Поминаю же паки реченаго тобою учителя Григория, его же и свята рек не стыжюся, но не судя его хошу рещи, но и истиньствуа. Григорей знал алфу, якоже и ты, и виту, подобно и всю 20 и 4 словес грамоту. А слышиши ты ю, у мене мужи, им же есмь самовидець, иже может един рещи алфу, не реку на сто или двесте или триста или четыреста, а виту також».⁷

По мнению Е. Е. Голубинского, в приведенном отрывке идет речь о знакомстве Климента и некоторых людей его круга («у мене мужи, им же есмь самовидець») с одним из важнейших разделов в византийском курсе грамотности, который назывался схедеографией (σχεδογραφία).⁸

⁶ ПСРЛ, т. II, изд. 2, СПб., 1908, столб 340 (по воспроизведению — М., 1962).

⁷ Никольский. О литературных трудах, стр. 126—127.

⁸ См.: Е. Е. Голубинский. Вопрос о заимствовании домонгольскими русскими от греков так называемой схедеографии, представлявшей у последних высший курс грамотности. СПб., 1904 (отдельный оттиск из ИОРЯС, т. IX, 1904, кн. 2,